

ПРИМИРЕНИЕ В ПРАВЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. ГРИБ,
аспирант кафедры истории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

SUMMARY

Institutions of reconciliation and restoration of responsibility in the medieval law of the Slavic peoples are considered in the article. Financial compensation of damage covered the most of the legal conflicts in the ancient Slavic law. The conciliation procedures were typical for legislation of developed feudal society. Reconciliation was possible at any stage of the proceedings between the legally equal persons and was allowed only in cases where the offense did not affect the interests of the state. State authorities encouraged conciliation between the parties, what was reflected in recognition of arbitration by the state, reducing of litigation fee for the parties of reconciliation and setting of penalties for default of amicable agreement.

Key words: restorative justice, reconciliation, alliance, conquering institute, sweetheart deal.

* * *

В статье рассмотрены институты примирения и восстановительной ответственности в средневековом праве славянских народов. Показано, что в древнейшем славянском праве материальное возмещение вреда распространялось на большинство юридических конфликтов. Законодательное закрепление примирительных процедур характерно для развитого феодального общества. Примирение было возможно на любой стадии разбирательства дела между равными по статусу лицами и допускалось только в тех случаях, когда правонарушение не затрагивало интересов государства. Государственная власть поощряла примирение сторон, что нашло выражение в признании государством решений третейских судов, снижении судебных пошлин для сторон примирения и установлении штрафов за неисполнение мировых соглашений.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, примирение, единение, институт покеры, полюбовная сделка.

Постановка проблемы. Современное право, все дальше отходящее от карательной модели разрешения конфликтов, стремится к установлению баланса интересов личности и общества на основе компромисса. Примирение и способы его достижения являются ключевым пунктом реформирования системы правосудия. Потому логика развития права требует основательной научной проработки института примирения, который сегодня формируется как межотраслевое нормативное образование и внедряется в практику всех развитых правовых систем. Достаточно сказать, что с целью эффективной имплементации стандартов, касающихся альтернативного (внесудебного) урегулирования споров, принят ряд международных императивных и рекомендательных актов. Так, Совет Европы издал рекомендации и руководящие принципы относительно медиации практически по всем категориям дел: в семейных, гражданских, уголовных делах, а также по поводу альтернативных методов разрешения споров между административными органами и частными лицами.

Актуальность темы исследования. Рассматривая институт примирения как современное правовое явление, нельзя не отметить, что он имеет древние исторические корни. Фактически внедрение примирительных практик сегодня представляет собою не что иное как возвращение, хотя и на качественно новом уровне, к древнейшей модели правосудия, известной всем, в том числе славянским народам, – к восстановительному правосудию. В силу этого исследование исторических истоков института примирения представляется актуальной задачей историко-правовой науки. Ее решение даст возможность оптими-

зировать процесс реформирования не только системы правосудия, но и правовой системы в целом. Особо следует отметить важность рассмотрения этого вопроса в сравнительно-историко-правовом ключе.

Состояние исследования. Исторические аспекты примирения и примирительных процедур, в частности – медиации – нашли освещение в работах украинских исследователей И. М. Гайворонской, Ю. И. Микитина, Н. В. Нестор. Попутно, решая проблему о вине у германских и славянских народов, ее затрагивал один из основателей сравнительного правоведения в России Н. Д. Иванишев. В известной мере к институту при-

мирения обращались исследователи третейского судопроизводства, в частности дореволюционный исследователь А. И. Вицын и современная украинская исследовательница Н. А. Вангородская. Данная проблематика фрагментарно освещена также в диссертации современного российского ученого Д. Л. Давыденко, статьях Ю. В. Ширяевой и Ч. С. Абдуллаевой. Вместе с тем специальное сравнительно-историческое исследование института примирения в праве славянских народов эпохи средневековья до сих пор не производилось.

Методологической основой исследования стало сравнительное правоведение в его современной интерпретации, а именно исследование юридических институтов в каждом отдельном славянском праве и обнаружение их взаимного сходства [1]. Средневековье в этом плане представляет наиболее благодатную почву, поскольку в эту эпоху славянские народы имели собственную государственность, в дальнейшем большинством из них утраченную.

Цель и задачи статьи. Целью статьи является выявление общего и особенного в формировании норм и примирительных практик у славянских народов в эпоху средневековья. Для достижения этой цели были поставлены задачи изучения и сопо-

ставления нормативного материала относительно примирения сторон юридического конфликта и практики его применения у славянских народов в эпоху средневековья.

Изложение основного материала. Наиболее древними, на наш взгляд, являются правовые компенсационные механизмы ликвидации последствий преступлений против личности. Так, в соответствии с древнейшим памятником русского права – договором Руси с Византией 911 г. – указывалось на то, что родственники убитого имеют право на возмещение за счет имущества убийцы. Кроме того, возмещению подлежало личное оскорбление в виде побоев [2, с. 7-8, 11-12]. Эти постановления подтверждались последующим договором 944 года [2, с. 33-34, 39] и прослеживались в других договорах Руси с иностранными государствами [3]. Русская Правда развила это положение – в ней перечислено немало составов преступлений против личности, ответственность за которые носила восстановительный характер – штраф в пользу потерпевшего (в случае нанесения телесных повреждений или оскорбления) или родственников убитого. Отметим важное обстоятельство – древнейшие источники права Киевской Руси оставляют открытым вопрос о порядке и процедуре реализации восстановительной ответственности. Учитывая отсутствие прямых указаний для суда или судьи (которые имеются, например, в памятниках древневосточного права), можно предположить, что такое возмещение нанесенного вреда могло происходить во внесудебном порядке и по инициативе обидчика.

Аналогичная ситуация прослеживается в иных древнейших памятниках славянского права – Польской правде, Законнике Стефана Душана, Винодольском статуте. Преступление рассматривалось как обида, искуплением которой было возмещение нанесенного обидчиком вреда. По мнению Карела Кадлеца, которое разделял и Любор Нидерле, ответственность в виде материального возмещения вреда сопровождалась еще и моральной фикцией возмез-

дия, сопровождавшейся специальной церемонией [4, с. 303]. Отметим, что этот институт искупления вины имел черты как наказания, так и восстановительной ответственности. С одной стороны, возмещение вреда было в интересах потерпевшего, с другой, публично-организованная власть «навязывала» свое видение о характере возмещения, поскольку во всех изученных нами памятниках права древних славян устанавливались размеры возмещения вреда без учета мнения потерпевшей стороны.

Отметим также, что указанные выше памятники древнейшего славянского права не упоминают о примирительных процедурах и посредничестве в достижении примирения. Представляется, что они эти отношения регулировались устоявшимися обычаями, фиксировать которые не было нужды. В то же время в исторических источниках Древней Руси отмечено участие посредников в урегулировании конфликта. Так, до наших дней дошел юридический акт, который относится к 1299 г., о заключении мировой сделки в Берегово (ныне – Берегсас) при посредничестве Григория – урядника князя Руси Льва и четверых местных судей. Стороны конфликта договорились об отказе прежде выдвинутых друг другу исков. Интересно, что это мировое соглашение предусматривало штраф за его неисполнение в размере 100 марок [5, с. 128-129].

Киевская Русь имела также богатую практику политического примирения в виде княжеских съездов, совместного правления князей и крестного целования, которым утверждались и гарантировались такого рода соглашения [6].

Примирительные практики были отражены в литовско-русском праве – праве Великого княжества Литовского, население которого и, соответственно, правовые основы были большею частью славянскими.

Примирение сторон было урегулировано рядом уставных земских грамот, в частности Витебской (1503 г.) и Полоцкой (1511 г.) [7, с. 191-193]. Спорящие могли помириться как до начала судебного процесса, так и в ходе его. Стимулом к прими-

рению служило существенное снижение пошлины в случае достижения мира до суда – 5 грошей, в то время как примирение в ходе суда «стоило» куницу (цена куницы – полкопы, т.е. 30 грошей [8, с. XXXIX]).

Все редакции Литовского статута регулировали, так или иначе, примирение сторон по разного рода делам. Согласно артикула 3 раздела 6 Первого Литовского статута в ряде случаев досудебная примирительная процедура была обязательной, в частности, если преступление совершено «человеком» соседнего шляхтича. Тогда господин потерпевшего должен был дважды обратиться к господину лица, совершившего преступление, с предложением восстановить справедливость и только в случае повторного отказа последнего мог обращаться в суд [9, с. 243]. Допускалось примирение даже в случае совершения подвластным лицом тяжкого преступления, в частности, убийства. Артикулы 5 и 6 этого же раздела содержали нормы о возможности такого досудебного восстановления справедливости и в случае совершения преступления шляхтичем в отношении другого шляхтича [9, с. 244-245]. Как справедливо отмечают Ю. И. Микитин [10, с. 1] и Н. В. Нестор [11, с. 166], Первый Литовский статут допускал возможность примирения между потерпевшей и насильником, а также в случае совершения разбойного нападения. Отметим лишь, что относительно второго из указанных составов преступления возможность для примирения устанавливалась в Статуте косвенно: в артикуле 21 раздела 7 говорилось о том, что при отсутствии примирения напавший карается как разбойник [9, с. 258]. При этом не указывалось, каким образом можно достичь примирения. Норма о возможности примирения между насильником и потерпевшей сохранилась во Втором (Вольнском) Литовском статуте (арт. 8 раздела IX) [12, с. 375] и Третьем Литовском статуте (арт. 12 раздела XI) [13, с. 274].

Распространенным способом разрешения конфликтов в шляхетской среде было еднание (мировое соглашение), достигаемое при рас-

смотрении дела так называемым полюбовным судом. Второй Литовский статут уже содержал отдельный артикул 60 раздела IV «О полюбовном суде» [12, с. 321-322]. Третий Литовский статут сохранил эту норму [13, с. 180-181]. Отметим, что литовско-русское право, во многом воспринявшее право Киевской и Галицко-Волынской Руси, предусматривало штраф за неисполнение мирового соглашения. Так, согласно Второму Литовскому Статуту (1566), неисполнение «еднания» влекло за собою уплату неустойки противоположной стороне в сумме семи коп грошей, штрафа судье в размере 2 коп грошей и подсудку – 1 копу грошей [12, с. 302]. Это достаточно большая сумма денег; за две копы грошей во второй половине XVI века можно было купить коня.

Отметим достаточно высокую эффективность этого вида примирительной практики. По данным Луцкого городского суда за 1598 и 1600 год (несмотря на переход Луцка в ведение Польской короны, здесь продолжало действовать русско-литовское право), проанализированным Н. П. Старченко, о намерении уладить свои отношения полюбовно стороны заявили перед осуществлением процесса в 49 делах, то есть шестая часть обиженных, предварительно решивших прибегнуть к суду для получения компенсации, изменили свое решение [14, с. 12].

Таким образом, в Литовских статутах всех редакций прослеживаются правовые нормы, допускавшие возможность примирения по уголовным делам. Вместе с тем трудно согласиться с выводом И. М. Гайворонской о том, что этот нормативный акт допускал возможность примирения по всем категориям уголовных дел [15, с. 25]. В частности, примирение было совершенно невозможно в случае неравного правового положения потерпевшего и преступника. Так, согласно артикулу 14 раздела 3 в случае нанесения побоев шляхтичу простым человеком, последний неизбежно карался отсечением руки [12, с. 226].

С институционализацией государственного суда и утверждением

устрашения как цели уголовного преследования процедура и основания примирения значительной степени были редуцированы. Так, по постановлениям II и III Литовских статутов по делам о ряде преступлений (умышленное убийство, грабеж, преступления против государства) примирение уже не допускалось [15, с. 25].

Институт примирения по уголовным делам существовал у других славянских народов (хорватов, чехов, поляков). В польском и чешском праве допускалось примирение даже по делам об убийстве – «покоря». Так, в Моравии этот обряд просуществовал до XVI в. и, по описанию Цтибора из Стывачева, заключался в следующем. Убийца с 50 родственниками и знакомыми шел к гробу убитого, босой, без пояса, и падал на гроб, а ближайший родственник убитого, который имел право и обязанность кровной мести, прикасался острием обнаженного меча к шее убийцы и трижды спрашивал убийцу: «Так я теперь властен над жизнью своей, как ты властен над жизнью моего брата (или другого родственника), совершая убийство?». Трижды убийца отвечал: «Да, ты властен над моей жизнью, но прошу, ради Бога, оживить меня». После этого родственник убитого говорил «оживляю тебя», и убийца получал прощение [16, с. 91].

В хорватском своде законов (Винодолский закон, 1288 г.) упоминается примирение по делу об убийстве. Убийца кмета или человека кметского рода обязан был платить пению родственникам убитого и общине, в которой убитый жил. Это бремя он разделял со своими родственниками, но если по этому делу была заключена полюбовная сделка, в таком случае родственники убийцы освобождались от уплаты пени [17, с. 49-50].

Еще одна категория дел, где Винодолским законом прямо допускалось достижение примирения – изнасилование. «Если бы кто учинил насилие какой-либо женщине, изнасиловав ее или покушаясь изнасиловать, он должен уплатить князю 50 либр и столько же той женщине, если ему не удалось учинить с ней сделку

другим способом» [17, с. 76-77]. Как видим, правовое регулирование примирения в Хорватии в значительной степени напоминало аналогичный институт литовско-русского права с тем только различием, что будучи созданным на три столетия раньше, Винодолский закон был значительно менее детализирован и уступал Литовским статутам в отношении юридической техники.

Примирение сторон допускалось также польским правом эпохи высокого средневековья. Согласно Своду законов Казимира Великого примирение предполагалось в случае словесного оскорбления шляхтича шляхтичем (ст. LXXXIV) [18, с. 301], а также в случае изнасилования. Но если пострадавшая простила своего насильника, который изъявлял согласие жениться на ней, то в этом случае она навсегда лишалась права на получение причитающегося ей приданого от своих родителей [19, с. 140].

Памятники русского права, как отмечает Д. Л. Давыденко, дошедшие до наших дней, позволяют судить о том, что урегулирование споров путем заключения мирового соглашения (или, как его иначе называли в разные эпохи, мирового ряда, мировой, мировой сделки, миролюбного соглашения, мировой записи, полюбовной сказки) было наиболее древним правовым обычаем, широко известным в Российском государстве [20, с. 74].

В частности, мировое соглашение упоминается в ст. 80 Псковской судной грамоты: «Если между кем-нибудь произойдет драка в Пскове или в пригороде, или в сельской волости, – на пиру, или в каком-нибудь другом месте, – [подравшиеся] же не вызовут через приставов друг друга на суд, а покончат дело мировой, то в таком случае пеня в пользу князя не взыскивается» [21, с. 250]. Аналогичное положение содержала статья 3 Двинской уставной грамоты (1397-1398 гг.) [22, с. 181], статья 9 Белозерской уставной грамоты (1488 г.) [22, с. 194].

Статьи 4 и 5 Судебника 1497 г. воспроизводили положения Псковской судной грамоты и указанных

уставных грамот относительно примирения сторон правового конфликта. Если стороны приходили к примирению в ходе судебного разбирательства до начала судебного поединка («поля»), то пошлина взыскивалась в пользу лиц, ведущих судебное разбирательство, т. е. боярина и дьяка, а полевая пошлина в пользу лиц, организующих поле, не взыскивалась. При примирении сторон во время судебного поединка, наряду с пошлиной боярину и дьяку, взыскивалась пошлина в пользу должностных лиц, наблюдающих за поединком [22, с. 55]. Эти нормы были сохранены в Судебнике 1550 г. (статьи 8-9) [22, с. 98].

Анализ норм русского права относительно примирения сторон конфликта показывает заинтересованность княжеской власти в этом правовом институте, что подтверждается снижением судебной пошлины в случае примирения сторон до начала поединка.

В российских исторических источниках времен средневековья сохранилось немало примеров мирового соглашения. Так, известно мировое соглашение 1518 г. между игуменом Прилуцкого монастыря близ Вологды и неким Ферапонтом Петрухиным (Бурухою), который поставил на монастырской плотине мельницу. По жалобе игумена великий князь московский назначил судей, которые постановили, что стороны должны явиться ко двору великого князя для окончательного решения дела. Но стороны спора решили дело полюбовно: Петрухин взял на себя и своих детей обязательство впредь не нарушать прав собственника плотины и не ставить на ней мельницу, а монастырь в свою очередь обязался не подавать иска против Петрухина. Исполнение обязанности обеспечивалось установлением огромного штрафа в 100 рублей, который обязана была уплатить сторона-нарушитель другой стороне [23, с. 281] (для сравнения – хороший конь стоил 5 рублей, мерин – 1 рубль).

Примирение по русскому праву было доступно только для субъектов права, что ярко иллюстрирует мировая сделка по делу об убийстве слу-

ги Новинского монастыря Алексея Фомина (1560 г. [23, с. 281-282]). Сторонами мирового соглашения выступили Михаил Леонтьев – представитель Новинского монастыря, уполномоченный игуменом, и Истома Васильев, представлявший Кирилловский монастырь, владевший селом, в котором проживали убийцы. Стороны договорились о возмещении ущерба Новинскому монастырю в размере 40 рублей. Но при этом не шла речь о родственниках потерпевшего – слуга рассматривался, очевидно, как разновидность имущества монастыря. Аналогичным образом было заключено мировое соглашение, относящееся к 1622 г. по делу о белых крестьянах. Монастырь, в котором скрывался беглый крестьянин с семьей, отдал его прежнему хозяину [23, с. 283-284]. И, наоборот, в мировом соглашении по факту убийства площадного писца Григория Иванова (1577 г.) убийцы обязывались уплатить головщину вдове убитого и ее брату [23, с. 282]. Судя по сохранившимся документам мировое соглашение было возможно также в делах административных – например, по земским раскладкам [23, с. 282-283].

Соборное уложение 1649 г. подтвердило возможность примирения сторон, но при этом не освобождало стороны от уплаты судебных пошлин. Более того, статьи 121-122 главы X «О суде» устанавливали порядок взыскания пошлин с поручителей по делам в тех случаях, когда примирившиеся стороны не представят мировых челобитных государю суду и не заплатят судебной пошлины [24, с. 117]. Несомненной новеллой законодательства стала статья 5 главы XV «О вершенных делах» (законченных делах), в которой впервые появилось понятие третьей стороны [24, с. 163]. Законодатель установил принцип признания мировых соглашений государственным судом.

Соборное уложение завершило собой феодальную эпоху развития славянского права, частично рецепировав нормы литовско-русского права. В дальнейшем институт примирения развивался в славянском праве

в принципиально новых условиях, учитывая то, что большинство славянских народов утратило собственную государственность и подпало под воздействие иноземного права.

Таким образом, изучение института примирения в праве славянских народов эпохи средневековья позволило сделать следующие выводы.

1. Институты примирения и восстановительной ответственности в средневековом праве славянских народов тесно связаны, хотя их нормативное закрепление существенно различается в эпоху раннего и развитого феодализма.

2. Анализ дошедших до нас историко-правовых памятников славянских народов показывает, что в древнейшем праве примирительные процедуры практически не зафиксированы, а институт восстановительной ответственности в виде материального возмещения нанесенного правонарушением вреда распространяется на большинство юридических конфликтов.

3. Напротив, в памятниках права эпохи развитого феодализма отмечается законодательное закрепление примирительных процедур, при этом очевидной является заинтересованность публичной власти в достижении сторонами конфликта примирения до суда, что выражено в снижении суммы судебных пошлин для таких ситуаций, а также в установлении штрафов за несоблюдение мировых соглашений.

4. Институт примирения в праве славянских народов обладает такими чертами сходства как: а) примирение было возможно только между равными по статусу лицами; б) примирение допускалось только в тех случаях, когда правонарушение не затрагивало интересов государства, точнее – правителя; в) примирительные процедуры зафиксированы в законодательных актах только в общих чертах, но при этом очевидно, что примирение было возможно на любой стадии разбирательства дела до вынесения решения по нему; г) в примирении сторон была заинтересована публичная власть.

5. Специфическими чертами отмечены институт покоры в чешском

и польском праве, примирение по делам об изнасиловании в польском и хорватском праве, заключающееся в заключении брака с согласия потерпевшей.

6. Исследование института примирения в средневековом праве славянских народов показывает, что существуют серьезные историко-правовые предпосылки для обращения к примирительным практикам в современной правовой жизни.

Список использованной литературы:

1. Николитч Д. Сравнительная история права славянских народов [Электронный ресурс] / Драган Николитч // <http://www.eparhijaniska.rs/богословље/црква-и-друштво/202-сравнительная-история-права-славянских-народов>
2. Памятники русского права / под ред. С.В.Юшкова. М. : Госюриздат, 1952. – Вып. I : Памятники права Киевского государства X-XII веков / сост. А. А. Зимин. – XVI, 287 с.
3. Георгиевский Э. В. Уголовно-правовая характеристика международных договоров и соглашений Древней и Средневековой Руси X-XV вв. / Э. В. Георгиевский // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 2. – С. 14-19.
4. Нидерле Л. Славянские древности / Любор Нидерле ; пер. с чешск. Т. Ковалевой и М. Хазанова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1956. – 450 с.
5. Купчинский О. Акты та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV. Дослідження. Тексти / О. Купчинський. – Львів, 2004. – 1282 с.
6. Гриб А.М. Примирення та відновне правосуддя у правовому житті Київської Русі / А. М. Гриб // Порівняльно-аналітичне право : електронне наукове фахове видання. – 2013. – № 2. – С. 19-22. Режим доступу : http://pap.in.ua/2_2013/Nryb.pdf
7. Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства / М. Н. Ясинский. – К. : Унив. тип. В. И. Завадзкого, 1889. – 210 с.
8. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. – Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1899. – Т. XXVI. – XLII, 496 с.
9. Статути Великого князівства Литовського : у 3 т. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юрид. л-ра, 2002. – Т. I. Статут Великого князівства Литовського 1529 року. – 464 с.
10. Микитин Ю. І. Історичний розвиток примирення і посередництва в джерелах права, що діяли на українських землях у XVI-XIX століттях [Електронний ресурс] / Ю. І. Микитин // Актуальні проблеми вдосконалення законодавства України. – 2009. – № 21. – Режим доступу до статті : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/apvchzu/2009_21/
11. Нестор Н. В. Правове регулювання примирення: історичний огляд / Н. В. Нестор // Держава та регіони. – Сер. : «Право». – 2010. – № 2. – С. 165-168.
12. Статути Великого князівства Литовського: у 3 т. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – Одеса : Юрид. л-ра, 2003. – Т. II. Статут Великого князівства Литовського 1566 року. – 558 с.
13. Статути Великого князівства Литовського: у 3 т. / за ред. С. Ківалова, П. Музиченка, А. Панькова. – О. : Юрид. л-ра, 2004. – Т. III. Кн.2. Статут Великого князівства Литовського 1588 року. – 568 с.
14. Старченко Н. П. Про ефективність судочинства на Волині (на прикладі роботи Луцького гродського суду 1598 і 1600 рр.) / Н. П. Старченко // Укр. іст. журн. – 2011. – № 6. – С. 4-27.
15. Гайворонська І. М. Примирення сторін кримінального конфлікту за Литовськими статутами / І. М. Гайворонська. – Наукові записки НАУКМА. – 2009. – № 2 (30). – С. 24-27.
16. Ермолович В. И. Сравнительный анализ основных институтов средневекового процессуального права Сербии и стран континентальной Европы / В. И. Ермолович // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 19. – С. 89-117.
17. Ягич В. В. Закон Винодольский : Подлинный текст с русским переводом, критическими замечаниями и объяснениями / В. В. Ягич. – СПб. : Типография и Хромолитография А. Траншель, 1880. – 155 с.
18. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. – М. : Госюриздат, 1961. – 960 с.
19. Ливанцев К. Е. История государства и права феодальной Польши XIII – XIV вв. / К. Е. Ливанцев ; отв. ред. В. В. Мавродин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1958. – 159 с.
20. Давыденко Д. Л. Мировое соглашение как средство внесудебного урегулирования частноправовых споров (по праву России и некоторых зарубежных стран) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Давыденко Дмитрий Леонидович. – М., 2004. – 257 с.
21. Псковская судная грамота // Исторические записки. 1940. – Т. 6. – С. 250.
22. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И.Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1985. – Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. тома А.Д.Горский; рец. В.И.Корецкий. – 520 с.
23. Акты юридические или собрания форм старинного делопроизводства : изданы Археографической комиссией. – СПб. : тип. П. Е. И. в. канцелярии, 1838. – Т. VII. – 465, 28 с.
24. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1985. – Т. 3 : Акты Земских соборов / отв. ред. тома А. Г. Маньков. – 512 с.